

Ю Гильджун и его «Рассуждение о нейтралитете» (中立論): романтический реализм в преддверии нового мира

Соловьёв А.В.

Соловьёв Александр Валерьевич, заместитель главного редактора журнала «Россия в глобальной политике», Факультет мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ (alexsolovievster@gmail.com)

***Аннотация.** К работе корейского интеллектуала и политического деятеля Ю Гильджуна (1856—1914) «Рассуждение о нейтралитете» (中立論), написанной в конце 1885 г., отечественная историография почти не обращалась. Тем не менее, «Рассуждение» представляется весьма важным для понимания того, как складывались представления корейской интеллектуальной элиты о мироустройстве и роли Кореи в миропорядке эпохи модерны.*

Ю Гильджун первым из корейских интеллектуалов предложил оригинальную модель нейтрального статуса для Кореи на основе своеобразного синтеза международно-правовых статусов суверенной Бельгии и Болгарии, которая в тот период, оставаясь данником Османской Порты, была признана Берлинским конгрессом автономным (полунезависимым) княжеством.

В «Рассуждении» Ю Гильджун свободно и уверенно оперирует терминами и концепциями международных отношений, демонстрируя глубокое понимание их сути и принципов. В своей работе он смело сопрягал традиционные каноны дальневосточной китаецентричной дипломатии, западные положения об устройстве миропорядка (баланс сил, геополитика) и формулировал новые идеи и методы оценки международной обстановки — некоторые из них были формально концептуализированы в теории международных отношений лишь во второй половине XX века (международный режим, секьюритизация).

***Ключевые слова:** Корея, Ю Гильджун, «Рассуждение о нейтралитете», теория международных отношений, история международных отношений*

Сочинение корейского мыслителя и политического деятеля Ю Гильджуна «Рассуждение о нейтралитете» (中立論), написанное в конце 1885 года, представляет комплексный ана-

лиз проблемы обеспечения безопасности страны перед лицом внешней угрозы. Нейтралитет, по Ю Гильджуна, — «это и прекрасная возможность защититься от России, и политическая стратегия самозащиты для всех великих азиатских держав» [Ю, 1885, с. 321]. Документы такого рода в теории и практике международных отношений называют докладными (или аналитическими) записками — *policy papers*. Иными словами, это не столько концептуализация или осмысление природы международных отношений, сколько обоснование конкретных политических шагов, которые власти должны предпринять в конкретной ситуации.

Написанная на пороге эпохи «корейского модерна», эта работа стала, безусловно, оригинальной¹ и новаторской, хотя в ней и прослеживается свойственное одному из самых «вестернизированных» мыслителей Кореи того периода стремление к синтезу традиционных и западных² представлений о принципах организации политики. Этот аспект мысли Ю Гильджуна заслуживает отдельного анализа³, а здесь мы решили рассмотреть «Рассуждение» в рамках различных концепций теории международных отношений⁴. Обращение к этим концепциям нужно нам для того, чтобы оценить аргументацию Ю Гильджуна и показать, как он использует актуальные для своего времени идеи об организации внешней политики. Мы покажем, что работа Ю Гильджуна вполне соответствовала уровню развития ТМО того периода, а некоторые его выклад-

¹ Концепция нейтралитета сама по себе уже не была новеллой для корейского политика. О перспективности нейтрального статуса Кореи в 1882—1885 гг. уже говорили (в частности, министр иностранных дел Японии Иноуэ Каору [Deuchler, 1969, pp. 145, 212], германский вице-консул в Корее Херманн Будлер, и Георг фон Мёллендорф [Чонь, 2017, с. 204—205], и другие, включая Ким Оккюна [Тихонов, Ким, 2011, с. 179; Ю, 2017, с. 85—86]).

² К тому времени корейские интеллектуалы были уже знакомы с ключевыми положениями западного международного права: в 1864, 1877 и 1880 гг. были переведены на китайский и вскоре попали в Корею три классические европейские работы: «Начала международного права» Генри Витона, «Введение в изучение международного права» Теодора Вулси и «Современное международное право цивилизованных государств» Иоганна Блюнчли [Козлов, 2022, с. 40—41].

³ Подробнее об этом см. [Казанцев, Соловьёв, 2022].

⁴ Автор выражает глубокую благодарность И.А. Сафранчуку за замечания и консультации по вопросам методологии и общей теории международных отношений.

ки серьёзно опередили время (во всяком случае — на уровне теоретической проблематизации).

Для анализа мы (в сотрудничестве с аспирантом департамента зарубежного регионоведения НИУ ВШЭ А.Е. Казанцевым) перевели с ханмуна адаптированный текст «Рассуждения»⁵, выверенный по фотокопии оригинального рукописного издания: 『兪吉濬全書』4 政治經濟編, 外交論, 中立論, 兪吉濬전서편 찬워원회편, 1971, 319—328쪽⁶. Далее перевод был выверен по современным переводам на корейский язык в: [Ким, 2021]; [Ури ёкса, без даты].

Структура и содержание «Рассуждения»

Работа Ю Гильджуна начинается как суховатый академический доклад, выполненный в позитивистской манере. Он вводит основные концепции (нейтралитет военного времени, постоянный или «вечный» нейтралитет), раскрывает их суть и механизмы с точки зрения международного (публичного) права, приводит эмпирические примеры (Бельгия и Болгария), иллюстрирующие эти концепции, а затем сопоставляет их международное положение с международным положением Кореи и международной обстановкой вокруг неё. Методологически это вполне обоснованный приём — применение известной модели выстраивания международных отношений к текущей политической ситуации.

Дальше он переходит к описанию текущих угроз (главная из которых — экспансия России, а второстепенная — поведение Японии), и методам их предупреждения через «нейтрализацию» Кореи в рамках системы международных договоров с державами-интересантами во главе с Китаем. Рассмотрев в качестве антитезы гипотетическую угрозу аннексии Кореи Китаем, он аргументированно её опровергает. Также он отвергает и перспективу того, что «провайдером безопасности» для Кореи может стать США: «США находятся далеко — через океан, и отношения с нами у них неглубокие. К тому же со-

⁵ Текст размещён на портале «Ури ёкса» Национального института истории Кореи (http://contents.history.go.kr/front/hm/compare.do?treeId=020107&levelId=hm_116_0110)

⁶ Автор искренне благодарен А. Ланькову и О. Федоровой за неоценимую помощь в поиске этой фотокопии

гласно доктрине Монро [США] не могут вмешиваться в евразийские дела. Если у нас возникнет нужда (придёт беда), они выразят поддержку на словах, но войска [нам] на помощь не отправят» [Ю, 1885, с. 323].

Постепенно текст «Рассуждения» становится эмоционально нагруженным и образным, в конце концов из аналитической записки превращаясь в петицию с призывом к корейской правительству «умолять Китай о помощи» [там же, с. 328].

На примерах Бельгии (нейтральная суверенная страна) и Болгарии (данник Османской Порты, признанная Берлинским конгрессом нейтральным полунезависимым княжеством), Ю Гильджун конструирует геополитический бином, заявляя, что «[международное] положение нашей страны фактически сопоставимо с положением обоих рассматриваемых государств» [там же, с. 321]. Сопоставляя соответствующие сходства («Нынешнее географическое расположение нашей страны в «глотке и гортани»⁷ Азии, подобно географическому положению Бельгии в Европе; а по [международному] статусу, [будучи] данником Китая, она схожа с Болгарией в отношении Турции» [там же, с. 320]), он не игнорирует различия («Однако Болгария действующих равных по ритуалу (равноправных) договоров⁸ с другими странами не имеет, а наша страна имеет. Бельгия // не получает от страны-сюзерена инвестиру, а наша страна получает» [там же, с. 320—321]), но они в его конструкте являются не ограничителем, а, скорее, наоборот, преимуществом Кореи, поскольку создают более благоприятные условия для её «нейтрализации».

Через 10 лет, в одном из самых известных своих сочинений, 西遊見聞, (*Сою кёнмун* — «Наблюдения при путешествии на Запад»), он окончательно концептуализирует этот бином в по-

⁷ «Глотка и гортань» (咽喉) — метафора стратегически важного, ключевого района.

⁸ Примечательно, что «равными по ритуалу» (т.е. равноправными) Ю Гильджун называет договора, которые в более поздней историографии станут известны под строго противоположным названием. Стоит при этом заметить, что договора между равными — не новость для традиционного конфуцианского «домодерного» иерархичного миропорядка (об этом говорит хотя бы то, что для их обозначения использовалась устойчивая метафора: 玉帛 (яшма и шёлк); при заключении союза князья обмениваются подарками в виде яшмы и шёлка); правда, актуализировалась эта практика в основном в период либо феодальной раздробленности, либо упадка империи [Козинец, 2016, с. 110].

нятии 兩截體制 (양절체제), «система двойного отрицания») [Ким, 2021, 12]. Это понятие несколько противоречиво, поскольку призвано отражать двойственное положение Кореи в системе международных отношений конца XIX в. — с одной стороны, она частично принадлежит к традиционному синоцентричному мироустройству, с другой — привержена «западному» международному праву; при этом она не превращается в полноценный структурный элемент ни той, ни другой системы.

Концептуальные элементы ТМО в «Рассуждении о нейтралитете»

На первый взгляд «Рассуждение» выдержано в классическом консервативно-реалистском духе (что, в принципе, совершенно естественно, поскольку никаких иных направлений научной мысли о международных делах тогда ещё не существовало: будущий американский президент Вудро Вильсон, с именем которого связывают формирование второй великой школы ТМО — либеральной — в 1885 г. только готовился окончить аспирантуру Университета Джона Хопкинса, а первым конструктивистским концепциям международных отношений предстояло оформиться только через век)⁹. Главными акторами международных отношений Ю Гильджун считает исключительно государства, важнейшими из которых являются державы. Природу их внешнеполитического поведения он полагает исключительно хищнической: «Желание сильного присоединить слабого, стремление великого государства поглотить малое — это естественный (неудержимый) позыв человеческой природы¹⁰» [Ю, 1885, с. 321].

Главной задачей любого государства Ю Гильджун полагает выживание (вполне в духе реалистских канонов), а ключевым

⁹ Справедливости ради стоит отметить, что представление о мирном сосуществовании и сотрудничестве государств формировались в политической среде уже в конце XIX века. Одной из первых масштабных попыток их практической реализации стала Гагская конференция по разоружению 1899 г., проведённая по инициативе России.

¹⁰ Дословно: 人世之技癢. Ким Джонхак [Ким, 2021, 22] переводит 技癢 как «застарелая болезнь/порок (고질병)», но это несколько некорректно, поскольку Ю Гильджун, как известно, вполне разделял идеи социального дарвинизма (по крайней мере, в период написания «Рассуждения о нейтралитете») — см., например, [Рязанова, 2017].

способом обеспечить это выживание — самоусиление (в тот период эта концепция набрала огромную популярность среди дальневосточных интеллектуалов)¹¹. Одним из важнейших факторов международного положения страны и её перспектив он полагает её географическое (т.е. геополитическое) положение: «Если некая страна, расположенная на [стратегически] важной для других государств территории... [может]... попасть в руки могучей державы, это дестабилизирует сложившийся миропорядок (равновесие сил)¹² и создаст угрозу [безопасности] для соседних государств» [там же, с. 319], а Корея, как уже говорилось выше, расположена в «глотке и гортани» Азии. Поскольку она при этом оказалась неспособна на достаточное для защиты себя самоусиление¹³, ей остаётся рассчитывать только на международно признанный нейтралитет: «Только нейтралитет — единственный способ по-настоящему защитить нашу страну» [там же, с. 326].

Таким образом, описывая международную среду и место Кореи в этой среде и внешнюю (т.е. привнесённую и обеспеченную внешними акторами) природу необходимого для Кореи нейтралитета, Ю Гильджун действительно остаётся реалистом, но решение, которое он рекомендует, уже выходит за рамки классического реализма.

¹¹ Здесь (как и в тезисах о русской угрозе, об уникальном геополитическом положении Кореи в Азии, о необходимости опоры на Китай, о балансе сил и силе международных договоров) заметно влияние сочинения китайского дипломата Хуан Цзуньсяня «Стратегия [для] Кореи» (朝鮮策略, *Чаосьян цзюэ*), которое тот в 1880 г. передал тогдашнему главе корейской дипломатической миссии в Японии Ким Хонъджипу.

¹² Дословно: 時局之大權.

¹³ Возможно, именно в силу принципиальной и объективной неспособности Кореи защитить себя собственными силами, Ю Гильджун и не обращается, в отличие от Херманна Будлера [Чонъ, 2017] к другому очевидному образцу нейтральной страны — Швейцарии. Кроме того, несмотря на то, что нейтралитет Швейцарии, как и нейтралитет Бельгии, был обеспечен международно-правовыми актами (в частности, решениями Венского конгресса 1815 г. для Швейцарии и Лондонской конференции пяти держав 1831 г. для Бельгии), он сформировался не только под воздействием внешних обстоятельств, но стал результатом развития внутривнутриполитических процессов, превратившись в национальную идею и основу национальной идентичности. Примечательно, что объявленный правительством Корейской империи накануне русско-японской войны, 21 января 1904 г. нейтралитет был скорее «будлеровским», основанным на швейцарской модели [Чонъ, 2017, 212]. Впрочем, как известно, Корею это не спасло.

Фактически, говоря современным языком, он предложил создать систему коллективной безопасности в АТР, основанную на системе взаимных договоров и гарантий. Лидером этой системы должен был стать Китай, обладавший, в глазах Ю Гильджуна, достаточным для этого моральным и силовым авторитетом. В частности, причину того, что Россия не рискует пойти на прямую оккупацию Кореи, он видит именно в силовых возможностях Китая: «Русские издавна зарятся на нас, но пока не осмелились двинуться (напасть). Хотя говорят (считается), что [их] сдерживает баланс сил (ещё один «канонический» реалистский термин — *A.C.*), на деле же они боятся Китая» [там же, с. 322]. При этом собственно силовую конфронтацию или сдерживание с помощью демонстрации силы — прямое военное противостояние России, буде она все-таки решит аннексировать Корею, или же заблаговременное размещение войск «в северных пределах» Кореи, он считает недалёковидной политикой: «Если ждать, пока двинутся русские, и тогда только идти войском в далекий поход на помощь, то... предсказать исход (победу или поражение) будет нельзя; к тому же... затраты на [сбор] войск и их утомление и истощение только усугубят общий урон... Если же загодя разместить крупные военные силы в наших северных пределах, это вполне может дать русским благовидный предлог, а также [спровоцировать] японцев на безрассудные шаги, которые непременно [будут] подобны тому, что они совершают сегодня. Поступать так — значит напрашиваться на неприятности на пустом месте, провоцировать бедствия, пытаясь от них защититься» [там же, с. 325—326].

В категориях современных концепций ТМО предложения Ю Гильджуна можно описать как прообраз теории режимов, которую в 1980-х гг. разрабатывали С. Краснер, Р. Кеохейн, Ф. Крадохвил и другие международники. В попытке найти компромисс между воззрениями неореалистов и неолибералов, они сформировали положение о международных режимах как совокупности правил, норм, принципов и процедур принятия решений в самых разных сферах международного взаимодействия, возникающей в результате согласования интересов, целей и ценностей разнообразных акторов. В конце XIX в. надежды на либеральный по своей природе инструмент (которого к тому же в то время не существовало в природе) выглядят вроде бы наивной романтикой, но надо отметить,

что морально-этическая составляющая (нормы и принципы) любых общественных отношений на Дальнем Востоке всегда составляла едва ли не главный предмет интереса политической мысли, и международные отношения не были исключением: «Если бы Китай желал этого (поглотить Корею — А.С.), то зачем тогда он до сего дня побуждал народы заключать договора, вместо следования своим [эгоистическим] устремлениям?» [там же, с. 322].

С точки зрения Ю Гильджуна создание такой системы вполне соответствует национальным интересам всех региональных акторов в области безопасности: «Это не только ради [защиты] нашей земли, но это выгодно и Китаю, а также [способствует] самосохранению (безопасности) других стран»¹⁴ [там же, с. 327]. Жизнеспособность такого решения обосновывается европейским опытом: «Европейские державы были поглощены противодействием (сдерживанием) России и [задачами обеспечения] собственной безопасности, но сумели гармонично¹⁵ и быстро, в мгновение ока [обеспечить] нейтралитет Бельгии и Болгарии» [там же].

Сочетание мотивов отказа от эгоистических устремлений ради общего блага в европейской (западной) мысли о международных отношениях устойчиво ассоциируется с либеральной школой ТМО. Однако обоснование такого поведения (соблюдение национальных интересов заинтересованных акторов) снова возвращает в аргументацию Ю Гильджуна реалистские и прагматические мотивы.

Ещё один — вполне традиционный для международных отношений на Дальнем Востоке — аспект «Рассуждения» западные международники начали всерьёз разрабатывать совсем недавно. Речь идёт об иерархичности системы международных отношений. Синоцентричная система МО имманентно иерархична, но гегемон в ней связан определёнными ограничениями: «Китай всегда в отношении к чужестранцам оставался великодушным и мягким, лишь [требуя] от них платить дань

¹⁴ В этих выкладках можно увидеть также и прообраз «восточноазиатского регионального комплекса безопасности», сконструированного Б. Бузаном и О. Вэйвером в рамках их концепции региональных комплексов безопасности, предложенной в самом начале XXI века.

¹⁵ Китайская идиома — 唱衆和 (петь в гармонии) — может служить синонимом европейского «концерта держав».

и принимать от Китая инвеституру и печать¹⁶, не вмешиваясь в дела их самоуправления» [Ю, 1885, с. 323]. До выхода статьи Джона Миршаймера с говорящим названием «Benign Hegemony (Благодатная гегемония)»¹⁷ [Mearsheimer, 2016] оставался всего-то 131 год.

В этой связи интересно отметить, что Ю Гильджун не считал суверенитет обязательным условием для обретения Кореей нейтрального статуса, хотя и оговаривался, что с правовой точки зрения суверенитет необходим: «Согласно публичному праву, только суверенная страна может быть нейтральной» [Ю, 1885, с. 320]. Однако он тут же указывал, что международная практика знает и иные примеры: «Черноморские острова находятся под контролем разных стран, и сами не являясь независимыми государствами, также [наделены] правом (статусом) [нейтралитета]. При строгом (буквальном, консервативном) [толковании] исключительно [норм] публичного права такое невозможно» [там же]. Некоторые корейские исследователи все же «вчитывали» стремление к суверенитету и независимости через достижение нейтралитета в сам текст «Рассуждения» (см., например [Hwang, 1985, 11]). Но понятие «независимость» (獨立) (которое Хван Ингван в своём англоязычном переводе «Рассуждения» в отношении Кореи использует многократно), в оригинальном тексте появляется лишь один раз — и по отношению к странам Центральной Азии, которые Россия «соблазняет... готовностью признать их право на независимость» [Ю, 1885, с. 321]. Термин «суверенитет/автономия» (自主) в оригинальном тексте также используется лишь единожды — в процитированном выше обосновании права на нейтральность. Таким образом, Ю Гильджун явно отдаёт приоритет практике над буквой закона — то есть остаётся (вроде бы) сугубым реалистом. Однако здесь надо учитывать традиционное для Дальнего Востока представление о том, что первичная, фундаментальная основа любой «мироустроительной» (т.е. политической) деятельности — это ритуал, в соответствии с которым и формируются нормы отношений. Иными словами, ритуал имеет безусловный приоритет над законом,

¹⁶ Именные печати — атрибут власти от вана до мелкого чиновника.

¹⁷ В этой статье речь идёт в основном об интеллектуальном доминировании американцев и американских концепций в современных ТМО, но упоминается и Китай — в качестве весьма прилежного ученика американцев.

поскольку второй проистекает из первого¹⁸. А международный договор — это, безусловно, вид ритуала¹⁹.

Discours de la méthode

То, как Ю Гильджун подаёт свои идеи, не менее важно чем то, что он предлагает. Описывая угрозу, исходящую от России, он не жалеет ни чёрных красок, ни ярких метафор («миллионы элитных солдат», «беспринципная и безнравственная страна с сердцем тигра и волка», и т.п.). При этом он заостряет внимание на том, что угрозе подвергается не только (и даже не столько) Корея, но и Китай: «Если наша страна падёт, то это станет бедствием и для Китая» [Ю, 1885, с. 325].

Фактически, Ю Гильджун предлагал обеспечить безопасность Кореи за счёт Китая — и этот нюанс не прошёл мимо внимания современных корейских международников (см., например, [Хо, 2017, 58]). Причём для этого тому пришлось бы поступиться своим привилегированным по отношению к Корее положением, «обоюдно вступив в союз/заключив общий договор (共訂其盟款)» [там же, с. 327], в котором Корея фактически оказалась бы в том же статусе, что и все остальные мировые державы, а Китай был бы всего лишь «первым среди равных». Обосновывая необходимость этого шага, он обращается к теме угрозы, связанной с резким усилением одной державы (России) относительно другой (Китая) в случае аннексии ею Кореи²⁰. Это, похоже, ещё одна из причин, по которым

¹⁸ Подробнее об этом см. [Казанцев, Соловьев, 2022].

¹⁹ В российском востоковедении название ведомства, отвечавшего за ведение иностранных дел в традиционной дальневосточной системе управления, традиционно переводят как «Ведомство/министерство церемоний», хотя, конечно, следовало бы его называть «Ведомством ритуалов». Впрочем, и сам термин «ритуал» (禮) также часто переводят как «этикет».

²⁰ Любопытно, что ровно в той же логике японский историк Хидэмицу Акаги в 1936 г. описывал историческую роль и место Кореи для безопасности Японии: «Корея издавна была источником опасности для Японии, и все вторжения в нашу страну... либо исходили с Корейского полуострова, либо проходили через него. Поэтому Корею расценивали как кинжал, нацеленный в сердце Японии, как причину постоянного раздражения и угрозы. Пока Корея была способна сохранять свою независимость, этот кинжал не был опасен для Японии. Но когда Корея оказывалась подконтрольной другой державе, она представляла угрозу самому существованию Японии... [Akagi, 1936, p. 113], цит. по: [Гринюк, 2014, с. 49].

в качестве образца Ю Гильджун выбрал Бельгию, а не Швейцарию (Бельгия получила нейтралитет во многом потому, что европейские державы не желали усиления Франции).

Надо сказать, что Ю Гильджун имел определённые основания для того, чтобы подчеркивать потенциальную угрозу со стороны России. Японо-китайская конфронтация на полуострове, спровоцированная попыткой госпереворота 1884 г. (мятеж года *кансин*)²¹ едва не привела к военному столкновению, а в 1885 г. это противостояние сменилось британо-российской конфронтацией вокруг острова Комундо (Порт Гамильтон) и предполагаемыми притязаниями России на порт Лазарев (Вонсан).

Поэтому, адресуясь формально к корейским властям, фактически Ю Гильджун адресовался к Китаю. Поэтому главным агрессором он изображал мощную Россию (Япония, с его точки зрения, угрожать Китаю не могла в принципе: «...её сил едва хватает на самооборону, так что она не осмелится противостоять Китаю» [там же, с. 322]). А вот от России исходит непосредственная угроза — причём прямая угроза землям самого Китая: «Между Ялу (Амнокканом) и Тумьнь (Туманганом) день ото дня войска разных стран скрытно борются за влияние и нет этому конца²², и это только усиливает озабоченность (обеспокоенность) русских» [там же, с. 325].

Совокупность приёмов, которые использовал Ю Гильджун (т.е. его подход, его *метода*) для подачи своей позиции, много позже, в работах международных копенгагенской школы получит название «секьюритизация». Суть секьюритизации в том, что политический акт (а составление «Рассуждения» — это политический акт, делающий его автора политическим

²¹ Этот мятеж самым непосредственным образом отразился и на судьбе самого Ю Гильджуна. Вернувшись в Корею после обучения в США и поездки по Европе в декабре 1885 г., он по настоянию китайского посланника в Корее Юань Шикая был немедленно арестован по подозрению в связях с заговорщиками. «Рассуждение о нейтралитете» он писал, находясь под домашним арестом.

²² Речь, скорее всего, идёт о русско-китайских конфликтах вокруг демаркации границы, которые закончились подписанием Хуньчуньских соглашений в 1885 г. Разумеется, в ретроспективе представляется, что Ю Гильджун серьёзно преувеличивал значение этих приграничных споров в борьбе за миропорядок, но его озабоченность можно понять, ибо экспансия России в Маньчжурию вполне укладывалась в концепцию «русской угрозы».

актором) возводит интересующую его проблему в ранг экзистенциальной угрозы безопасности и предлагает (или совершает, если у него для этого есть силы и возможности) для её решения чрезвычайные меры, которые выходят за рамки установленных политических процедур. Фактически, Ю Гильджун завершил первый этап секьюритизации, подготовив заявление о наличии экзистенциальной угрозы.

Следующим шагом должно было стать обнаружение документа. Это была бы попытка — уже в духе конструктивизма — сформировать не только корейский, но и общерегиональный международно-политический нарратив.

Но шаг этот так и не был сделан. «Рассуждение» осталось неопубликованным. На титульном листе ему предпослана преамбула: «Это рассуждение можно назвать большим планом, но поскольку есть то, что беспокоит меня сильнее, его лучше бы было стереть (уничтожить) на время; но если хранить его дома, то можно и не стирать» [там же, 319; Хо, 2017, 55]. Ю Гильджун всё же был реалистом и прекрасно понимал, что его идеи полностью противоречат политике «сдерживания Цин при помощи России (引俄拒清策, *инаго чхонъчхэк*)», которую в то время вели два его главных благодетеля — ван Кореи Коджон и один из ближайших его царедворцев Мин Ёньик.

Заключение

Сегодня идеи Ю Гильджуна вполне востребованы среди корейских международников. Так, современный концепт «среднедержавности» (middlepowermanship, *중견국*), ставший основой внешней политики Республики Корея в XXI веке Син Донъмин возводит именно к «Рассуждению» [Shin 2012, 138—139]. Понятия *중립국* (中立國) — нейтральная страна — и *중견국* (中堅國) — средняя держава — действительно созвучны²³. К идее фактической нейтральности страны (пусть и в чисто риторическом плане) возвращались администрации Но Мухёна и Пак Кынхе.

Оценивая «Рассуждение» в целом, стоит отметить, что Ю Гильджун свободно и уверенно оперирует современны-

²³ Любопытно, что в китайском слово 中立 означает ещё и «справедливый, беспристрастный», а 中堅 — «стержень, ядро, главная сила, основной, ведущий, решающий».

ми ему терминами и концепциями международных отношений, демонстрируя достаточно глубокое понимание их сути и принципов. К разработке своей модели корейского нейтралитета он подошёл творчески, смело сопрягая традиционные дальневосточные положения и новые (относительно) для него «западные». При этом многие идеи, к которым Ю Гильджун пришёл рационально или интуитивно, были концептуализированы в рамках различных школ ТМО много позднее.

«Рассуждение», которому прежде отечественные корееведы практически не уделяли внимания, представляется достаточно важной работой для понимания того, как складывались представления корейской интеллектуальной элиты о мироустройстве и роли Кореи в миропорядке обрушившейся на страну эпохи модерна.

А сопоставление «Рассуждения о нейтралитете» с концепциями современных международников позволяет судить если не об изменении природы международных отношений (дискуссия на этот счёт остаётся фундаментальным водоразделом между основными школами ТМО), то о том, насколько изменились (или не изменились) наши представления о ней за неполные полтора века.

Библиография

Гринюк В.А. Русско-японская война 1904—1905 г. и Корея. Россия и АТР, 2014. № 1(83). С. 48—63.

Казанцев А.Е., Соловьёв А.В. Синтез традиционных и модернистских представлений о международной политике в «Рассуждении о нейтралитете (中立論 — Чунънимнон)» Ю Гильджуна (1885 г.) // *Корееведение* (в печати), 2022 (3).

Ким Джонъхак. Ханбандо конъдонъ поджанъ кусанъ-ый ёксаджок кивон: 19 сеги пельгие-пульгариа-ый саре-ва ю Гильджун-ый «Чунънимнон»: [Исторические истоки совместной инициативы по обеспечению безопасности на Корейском полуострове: примеры Бельгии и Болгарии XIX в. и «Рассуждение о нейтралитете» Ю Гильджуна]. 2021. Чонъчхэк ёнгу сириджды (2020-06), Кунънип вегёвон вегёанбо ёнгусо. (На кор.)

Козинец А.И., Конфуцианский порядок в Восточной Азии: значение для теории международных отношений // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*, 2016. № 2(37). С. 106—122.

Козлов Л.Е. Модернизация корейской дипломатии на рубеже XIX—XX веков; в: «Модернизация Кореи: политика, экономика, общество, культура: коллективная монография» / отв. ред. Р.К. Тангалычева. — М.: ВЦИОМ, 2022. — 372 с.

Рязанова, М.К. Своеобразие общественно-политических и философских взглядов Ю Гильджуна. Вестник Московской международной академии. 2017. № 1. С. 60—71.

Тихонов В. М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. — М.: Наталис, 2011. Т. 2: Двадцатый век / Ред., перевод с корейского, индексы, сост. хронол. табл. Т. М. Симбирцевой; Под общ. ред., примеч. В. М. Тихонова. (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности: вып. 41.). — 499 с.

Ури ёкса. Ю Гильджун. Чунънимнон. Без даты. URL: http://contents.history.go.kr/front/hm/compare.do?treeId=020107&levelId=hm_116_0110 (дата обращения 23.08.2022).

Хо Донъхён. Ю Гильджун-ый хэвечехом (1881—1885)-ква «Чунънимнон» (1885)-е поины ельганъ инсик [Зарубежный опыт Ю Гильджуна (1881—1885) и представления о великих державах, отображенные в «Рассуждении о нейтралитете»]. Хангукса хакпо. 2017. № 68. С. 35—65.

Чонъ Санъсу. Пудыльло-ый хангук чунънимнон: [Концепция нейтралитета Кореи по Будлеру]. Соанъса ёнгу. 2017. № 57. С. 189—213. DOI: <http://dx.doi.org/10.16894/JOWH.57.7> (на кор.)

Ю Бада. Ю Гильджун-ый «Чунънимнон»-е тэхан кукчеппопджок комтхо [Анализ «Рассуждения о нейтралитете» Ю Гильджуна в рамках международного права]. Хангукса хакпо. 2017. №68. С. 67—92. DOI: <http://dx.doi.org/10.21490/jskh.2017.08.68.67> (на кор.)

Ю Гильджун. «Ю Гильджун чонсо», т. 4, Чонъчхикёнъджемхён, вегёрон. Чунънимнон: [Ю Гильджун: собрание сочинений. Т. 4. Труды по политике и экономике, международным отношениям. Рассуждение о нейтралитете]. Ю Гильджун чонсо пхёнчхан вивонхве. 1885 (1971) г. С. 319—328.

Deuchler, Martina. Confucian Gentlemen and Barbarian Envoys: The Opening of Korea, 1875—1885. Seattle: University of Washington Press; for Royal Asiatic Society, Korea Branch. 1977. Pp. xiv, 310.

Hwang In Kwan. A Translation and Critical Review of Yu Kil-Chun's "On Neutrality". *Korean Studies*. 1985. Vol. 9, pp. 1—13 (13 pages). University of Hawai'i Press.

John J. Mearsheimer. Benign Hegemony // *International Studies Review*, Volume 18, Issue 1, March 2016, Pages 147—149, <https://doi.org/10.1093/isr/viv021>

Roy Hidemitsu Akagi. Japan's Foreign Relations. 1542—1936. A Short History. Tokyo, Hokuseido Press. 1936.

Shin D. M., The Concept of Middle Power and the Case of the ROK: A Review, in *Rüdiger, F., Hoare, J., Köllner, P. and Pares, S.* (eds), Korea 2012: Politics, Economy and Society, 2012, Leiden: Brill

References

Deuchler, Martina (1977). Confucian Gentlemen and Barbarian Envoys: The Opening of Korea, 1875—1885. Seattle: University of Washington Press; for Royal Asiatic Society, Korea Branch. Pp. xiv, 310.

Gim(Kim) Jong-hak (2021). Hanbando gongdongbojang gusangu yeoksajeong giwon: 19segi belgiet-bulgariaui saryewa Yu Giljunui “Jungnimnon”: [The Historical Origins of the Joint Security Initiative on the Korean Peninsula: the Nineteenth-Century Examples of Belgium and Bulgaria and Yu Kiljun’s “Treatise on Neutrality”]. *Jeongchaegyongu-sirijeu*, (2020-06), Gungniboegyowon Oegyoanboyeonguso.

Grinyuk, V.A. (2014). Russko-yaponskaya voyna 1904—1905 g. i Koreya [Russo-Japanese War of 1904—1905 and Korea]. *Rossiia i ATR*, 1(83): 48—63.

Huh, Dong-Hyun (2017). Yu Giljunui haechoheom(1881~1885) gwa “Jungnimnon”(1885)e boineun yeolgang insik [Yu KilChun’s Overseas Experience (1881—1885) and Perception of Powers Seen in “Neutrality”(1885)]. *Hanguksahakbo*, 68: 35—65.

Hwang In Kwan. A Translation and Critical Review of Yu Kil-Chun’s “On Neutrality”. *Korean Studies*.1985. Vol. 9, pp. 1—13 (13 pages). University of Hawai’i Press.

Jung Sangsu (2017). Budeulleoui hangung jungnimnon [Budler’s Neutralism of Korea]. *Seoyangsayeongu*, no. 57: 189—213. DOI: <http://dx.doi.org/10.16894/JOWH.57.7>

Kazantsev, A.E., and Solovyov A.V. (2022(3)) Sintez traditsionnyh i modernistskih predstavlenii o mezhdunarodnoi politike v “Rassuzhdenii o neitralitete (中立論 — Chungnimnon) Yu Gildzhuna” (1885 g.) [The synthesis of traditional and modernist conceptions of international politics in “Treatise on Neutrality (中立論 — Chunnimnon)” of Yu Giljun (1885)]. *Koreevedenie* (in print).

Kozjnets, A.I. (2016). Konfutsianskii poryadok v Vostochnoi Azii: znachenie dlya teorii mezhdunarodnyh otnoshenii [Confucian world order in East Asia: Its significance for the IR theory]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya*, 2(37), pp. 106—122.

Kozlov L.E. (2022). Modernizatsiya koreiskoi diplomatii na rubexhe XIX—XX vekov [The Modernization of Korean Diplomacy at the Turn of

the 19th and 20th Centuries], in: *Rimma K. Tangalycheva* (ed.), “Modernization of Korea: Politics, Economy, Society, Culture”: Moscow: VCIOM.

Ryazanova, M.K. (2017). Svoeobrazie obstchestvenno-politicheskikh i filosofskikh vzglyadov Yu Gildzhuna: [The Uniqueness of Socio-Political and Philosophic Views of Yu Kil-Chun]. *Vestnik Moskovskoi mezhdunarodnoi akademii*, No. 1: 60–71.

Tikhonov V.M., and Kan Mangil (2011). Istoriya Korei v 2-kh t. T. 2: Dvadtsatyi vek [History of Korea. In 2 vols. Vol II: Twentieth Century]. Moscow. Natalis. — 499 p.

Uri yeoksa (No data). Yu Giljung. Jungnimnon [Yu Kil-Chun. “Treatise on Neutrality”]. URL: http://contents.history.go.kr/front/hm/compare.do?treeId=020107&levelId=hm_116_0110 (accessed: 23.08.2022).

Yoo Ba-Da (2017). Yu Giljunui jungnimnone daehan gukjebeopjeong geomto: [Yu KilChun’s Neutrality from the Perspective of International Law]. *Hanguksahakbo*, 68: 67–92. DOI: <http://dx.doi.org/10.21490/jskh.2017.08.68.67>

Yu Kiljun (1885 (1971)). Yu Kiljun Jeonseo. 4. Jeongchigeongjepyon, oegyoron. Jungnimnon: [Yu Giljun: collection of essays. T. 4. Works on Politics and Economics and International Relations. Discourse on Neutrality.]. Yu Giljun Jeonseo pyeonchan wiwonhoe, pp. 319–328.

Yu Kiljun and his Treatise on Neutrality (中立論): Romantic Realism on the Threshold of a New World

Alexander V. Solovyov

Alexander V. Solovyov, Deputy Editor-in-Chief, “Russia in Global Affairs”, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics (alexsolovievster@gmail.com)

Abstract. *The Korean intellectual and political figure Yu Kiljun (1856–1914)’s “Treatise on Neutrality (中立論),” written in late 1885, has hardly been referred to by Russian historiography. Nevertheless, this work appears seminal for the assessment of Korean intellectual elite perceptions of the world order and the international role of Korea in the modern era that befell the country.*

Yu Kiljun was the first Korean intellectual to propose an original model of neutral status for Korea based on a distinctive synthesis of the international legal statuses of sovereign Belgium and Bulgaria, which at that time was recognized by the Berlin Congress as an autonomous (semi-independent) principality while remaining a tributary to the Ottoman Porte.

In the “Treatise” Yu Kiljun operates with terms and concepts of international affairs fluently and comprehensively, demonstrates comprehensive understanding of their essence and principles. He boldly juxtaposes the traditional canons of Far Eastern Chinese-centered diplomacy with the Western thoughts on the world order (balance of power, geopolitics) and formulates new ideas and methods of assessing the international situation. Some of those (regimes, securitization) would be formally conceptualized in international relations theory in the second half of the twentieth century only.

Keywords: Yu Kiljun, “Treatise on Neutrality”, International Relations theory, history of international relations